

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРИАНГАРЬЕ

Сопредседатели: д-р ист. наук, профессор Иркутского государственного университета А. В. Дулов; д-р ист. наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения Л. Н. Харченко; начальник отдела этноконфессиональных отношений управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям С. В. Коновалова.

АРЗУМАНОВ И. А.

ВЕРОИСПОВЕДНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУР-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДУАЛИЗМА (К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТ. 13 И СТ. 14 КОНСТИТУЦИИ РФ)

Понимание цивилизации как локальной межэтнической общности... объединенной высоким уровнем сходства в институциональных формах и механизмах их социальной организации и регуляции [9, с. 91–92], определяет российский центрально-азиатский регион в качестве межцивилизационного транспограничья между российской цивилизацией и конфуцианско-буддийским миром. Доминирующими культурологическими составляющими территории межцивилизационного транспограничья относится и религиозно-обусловленное единообразие системы ценностей и механизмов регуляции социальной практики. Философско-правовое и методологическое осмысление данного фактора в контексте общемировых тенденций актуально потому, что в новых исторических условиях понятие национальной безопасности вышло далеко за рамки лишь политической и военной деятельности. В число основных составляющих государственно-политической безопасности включаются экономический, научный, технологический, экологический, цивилизационный, религиозный аспекты, формирующие «новые границы безопасности»

и выводящие ее понимание за рамки военной и технико-экономической доминанты [10].

Взаимосвязь роста национального самосознания и конфессиональной самоидентификации граждан в политических процессах дезинтеграции общества, разжигания межконфессиональных и межнациональных конфликтов является предметом особого внимания исследователей рубежа XX–XXI вв. В первую очередь в силу того, что реальное положение религиозных институтов в ряде случаев определяется не столько конституционными положениями, сколько политикой правительства по отношению к религии и ее институтам.

Как правило, в определениях вероисповедной политики подчеркиваются социальные концепты, а объектом определяется не весь религиозный социокультурный комплекс, а лишь его аспекты, связанные с какой-либо стороной политики самого государства, в том числе и с вопросами по созданию условий, сочетающих «обеспечение возможности наиболее полной реализации прав и свобод человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания с обеспечением консолидации и стабильности общества» [4, с. 12]. Последнее констатирует, что по своему содержанию право в религиозной сфере не только представляет собой социально-культурный комплекс норм, идей и отношений, определяющий характер и направления человеческой деятельности, формирующий определенные поведенческие стереотипы [5, с. 64], но и наполняется конкретным идеологическим содержанием.

Поскольку стабильность общества является социокультурной ценностью и категориальным императивом государственного организма, то политика государства в сфере культуры и религии как цивилизационно-интенциональных субстратов социума будет определяться в качестве функционально-идеологической доминанты интегративных процессов. Разворот данного дискурса объективно должен осуществляться с учетом:

- субъектно-институциональных составляющих религиозного пространства;
- основных конституционных характеристик политической системы и ее фактических идеологических детерминант – (13-я ст. Конституции РФ);
- роли аксиологических факторов культур-религиозной и культур-правовой страт понятийного блока идеологии в условиях светскости государства – (14-я ст. Конституции РФ).

В целом, анализ имеющихся подходов к решению вскрываемой проблематики должен проходить с учетом общемирового «демократического транзита». Данный аспект связан с «общечеловеческими» и демократическими ценностями «западного» образца, транслируемых, в том числе, посредством утверждения безусловного приоритета международного права перед национальным, что само по себе имеет ярко выраженный геополитический окрас.

Мы должны констатировать, что от основных конституционных характеристик политической системы, от того, как устроена власть, зависит то, какими методами она действует, какую политику проводит, какие люди ее представляют, а значит и то, насколько ценности гражданского общества защищены от процессов дезинтеграции экономического и духовно-культурного пространства. Анализ положений конституционного строя необходимо начинать с определения принципов организации государства в его соотношении с личностью и гражданским обществом в их антропо-целевой установке. Данный тезис обосновывается автором на базе методологической дифференциации понятий «идеология» и «идеологизация» как функциональной производной категории «идеология» (в контексте родового и видового соотношений). В социополитической проекции это, в первую очередь, касается положений, связанных с культур-религиозным и культур-философским факторами процессов этнополитизации. Аксиологическая детерминанта методологии анализа выводит понимание политики за пределы конъюнктурного целеполагания в сферу нравственной ответственности, ценностного измерения и духовно-нравственных идеалов.

В этой связи мы можем стратифицировать два модуса понятия идеологии: 1- идеологии как *системы ментальных ценностей*, присущих любому человеческому обществу, и 2 - как «политического видения общества со стороны социальных групп и организаций, причастных к политике, воплощающегося в политических учениях, доктринах, установках, призванных влиять на общественные процессы» [7, с. 481].

С системой ментальных ценностей, прежде всего, связывается аксиология религиозной культуры (религиозного сознания) – преимущественно в социофункциональной динамике обыденного и структурообразующей статике доктринального уровней. Ре-

лигиозная культура в ее дуализме обьеденного и доктринального рассматривается автором в контексте межцивилизационной априи «Восток» – «Запад», определяя, прежде всего, мировоззренческие вектора этико-нравственного комплекса аксиологии права и политики в их онтологическом измерении.

Положение о полевой природе идеологических отношений необходимо рассматривать как в макрогеополитической проекции «Запад» – «Восток», так и в проекции субъектов внутриполитических отношений (выстраиваемых в связи с общей мировоззренческой системой эпохи, программными установками, сформулированными на основе тех или иных положений этой системы, стратегией реализации программных установок, пропагандой и конкретными шагами по реализации программ) [7, с. 400]. Таким образом, констатируется функционально-смысловое соотношение понятий «идеология» и «политика» в рамках государственно-властных интенций последней. Мы отмечаем также ставшее уже классическим понимание политики как основного направления деятельности социальных групп и организаций, имеющих отношение к осуществлению государственной власти, поскольку именно в этом ключе государственная политика понимается в качестве основного направления властвования государства в сфере идеологического пространства в его культур-территориальной спецификации.

В этой связи встает вопрос об аксиологической стратификации пространства религиозной культуры, имеющей свои социополитические характеристики [1, с. 21–26] и детерминирующей конечную понятийно-смысловую проекцию «идеологии» как доминирующей ценностно-мировоззренческой подсистемы культуры. И если мы говорим о регулятивной составляющей нормативно-правовой фиксации той или иной системы ценностных векторов, имеющих влияние на политическую жизнь общества, то предполагается, что ее юридическая характеристика – это результат снятия специфического противоречия в сложившихся общественных отношениях, имеющих на данный период суммарное статистическое или культур-трансляционное доминирование.

Если рассматривать данный нормативно-правовой феномен в контексте политической онтологии – культурцивилизационного детерминизма политического пространства и политического времени как основных факторов социального бы-

тия – то необходимо констатировать, с одной стороны, экспансию западных гражданско-гуманистических рецепций в конституционно-правовое пространство России (с учетом факта их нормативно-правовой фиксации Конституцией РФ), а с другой, – их фрустрацию в российском социокультурном пространстве, сохраняющем свое цивилизационное отличие в контексте межкультурного дуализма (отмечаемый дуализм рассматривается автором в контексте двух векторов: «Запад» (католическо-протестантский) – «Восток» (православный) и «Восток» (православный) – «Восток» (индо-конфуцианско-буддийский) [2].

Однако объективные противоречия между ментально-ценностной системой культур-цивилизационных детерминант политической истории России и юридическим императивом гражданско-гуманистической идеологии ставят вопрос о факторе «идеологизации» – видовой, функционально-трансляционной производной понятия «идеология». Как следствие, мы приходим к констатации того, что идеологический плюрализм, заложенный в основу 13-й ст. Конституции РФ, является доминирующим фактором процессов идеологизации – фактического государственного внедрения в общественное сознание социокультурных параметров гражданского (секулярного) гуманизма, находящегося в апории культур-цивилизационному контексту политической истории России последнего тысячелетия.

В частности, об этом свидетельствует методологический дуализм законодательных актов в макропроекции – РФ и на регионально-национальном уровне – актов субъектов РФ о религии и свободе совести, фиксирующих общий фон нередуцируемой этноконфессиональной специфики. На современном этапе данная специфика рассматривается в качестве основной идеологической детерминанты процессов этнополитизации, в свою очередь, определяющих культур-цивилизационный ракурс общественных отношений, пульс общероссийской и региональной динамики вероисповедной политики.

В федеральной составляющей проблематика светскости и равноправия религиозных организаций, фиксированная в 14-й ст. Конституции РФ, возникает, как правило, в связи с фактическим положением и предпочтениями Православной Церкви, а в региональной – в связи с иными традиционными конфессиональными институтами, играющими, как уже отмечалось, роль

историко-культурного катализатора в процессах явной и латентной этнополитизации.

Именно в региональной проекции принцип равенства перед законом религиозных объединений не совпадает с понятием равноправия религиозных объединений. Данное несовпадение имеет свою методологическую особенность. Как пишет А. И. Куницын, «разница между ними весьма существенна. Равноправие – наделение законом того или иного субъекта равным объемом прав по сравнению с другими. Равенство перед законом означает, что деятельность всех религиозных объединений, независимо от их конфессиональной принадлежности, должна осуществляться на основании и в соответствии с законодательными актами Российской Федерации» [6, с. 128–129]. Тем не менее, современные общественные отношения достаточно четко дифференцируют эти понятия с позиций понятия «равнозначности», констатируя в ряде случаев, что равнозначности при равноправии может и не быть. Как отмечает И. В. Понкин, «принцип равенства религиозных объединений перед законом отнюдь не диктует построения отношений государства с ними как с равнозначимыми. При равенстве основных прав государство и общество могут оказывать религиозным объединениям поддержку или не оказывать таковой на избирательной основе, учитывая количество последователей религиозного объединения, его традиционность, гражданскую позицию его последователей и лидеров, включенность в общественно полезную деятельность, наличие или отсутствие фактов противозаконной деятельности последователей и лидеров, доказанной в суде и обусловленной их религиозными взглядами, тенденций к экстремизму» [8, с. 129].

В этом свете ст. 14 Конституции, устанавливающая (достаточно эскизно), в чем выражается светский характер Российской Федерации, порождает ряд вопросов, ставящих под сомнение формально-правовые признаки данных определений светскости в их, так сказать, федеральной и региональной проекциях.

Примером могут послужить ситуации, связанные с процессами политической реструктуризации – укрупнения восточно-сибирских субъектов РФ – Иркутской области и Забайкальского края за счет включения в их состав бурятских национальных округов – Усть-Ордынского и Агинского соответственно. Реконструкция социополитического пространства – укрупнение регионов – стала одной из основных в политической жизни постпере-

строечной России. В российских СМИ анализ «объединительных» положений, как правило, ограничивается экономико-правовыми аспектами. Приходится отмечать почти полное отсутствие попыток осмысления роли религиозного фактора в данных процессах, напрямую затрагивающих интересы целого ряда этноконфессиональных групп социума. Данное положение находит свое прямое подтверждение в «аргументах и фактах» со стороны оппозиции объединительным процессам. Задачи сохранения этнодифференцирующего и этноконсолидирующего факторов – традиционной духовной культуры – выдвигаются в качестве одних из основных контраргументов процессам объединения субъектов Российской Федерации. (Тема сохранения своего культурного наследия поднимается на уровне общественных организаций, взявших на себя неформальную, но весьма примечательную функцию консолидации национального самосознания бурят, проживающих как в трех бурятских субъектах федерации, так и в «рассеянии» по всему миру. Весьма показателен взгляд на эти процессы, изложенный в распространенных в СМИ тезисах «Почему мы против укрупнения» и др.) [3].

В свете анализа данных процессов констатируется, что существующая конституционно-правовая деидеологизация общественного сознания порождает апорию нормативно-правового обеспечения вероисповедной политики и реалий национальных приоритетов, определяемых цивилизационно-культурологическими составляющими функциональных свойств религиозного пространства. В данном контексте вероисповедная политика государства осуществляется в поле объективного противостояния различных религиозно-идеологических систем, используемых идейно-политическими течениями и направлениями. С учетом геополитических характеристик отмечаемой атории основных культур-религиозных систем (христианство и буддизм, прежде всего) вероисповедная политика России XVIII – нач. XX вв. в Байкальском регионе формировалась в качестве одной из доминирующих идеологических подсистем, унифицирующей мировоззренческий плюрализм в контексте с сущностными интеграционными интенциями государства. Геополитическая экспансия России имперского периода в Восточной Сибири была обусловлена геополитическим фактором межцивилизационного транграничья Центрально-Азиатского региона (Россия, Монголия, Тибет, Китай).

В региональной проекции во всей полноте встают вопросы о неравнозначности религиозных объединений, являющихся (вкуче с национально-лингвистическими признаками), базовой детерминантой нормативно-правовой фиксации «особого» статуса бывших субъектов РФ в границах укрупненных регионов. Этнокультурный фактор, имеющий естественные тенденции к политизации, нуждается на данный период времени в адекватной этнопсихологическим ожиданиям репрезентативности – «представительности», поскольку в современных условиях правового поля ничем иным возможности его развития не обеспечиваются. Перед региональными законодателями стоит проблема выработки адекватных правовых форм этой репрезентативности. Данная проблематика, безусловно, связана и с конфессиональным фактором, с конфессиональной этносамоидентификацией, поскольку в религиозной сфере лежат основы и культурной, и цивилизационной принадлежности.

Данное положение в региональной проекции подразумевает более эффективную организацию деятельности по исследованию трансформационных процессов, обусловленных религиозной проблематикой. На день сегодняшний при Иркутском региональном отделении РАПН принято решение о создании комиссии по исследованию политико-правовых характеристик религиозного пространства Центральной Азии, основными предметными сферами научной деятельности которой будут являться:

I. Политические методы и принципы формирования религиозного пространства Центральной Азии: методология, история, тенденции.

II. Проблемы религиозной конфликтологии и нормативно-правового регулирования государственно-конфессиональных отношений.

III. Политико-правовые аспекты трансформации религиозного пространства.

IV. Геополитические перспективы и социально-демографическая среда современного миссионерского поля.

Данные направления актуализируются констатацией того факта, что, в целом, либерально-демократический подход к сущности государства, его политической системе противоречит одной из основных задач Конституции РФ – препятствовать сепаратистским тенденциям и территориальному распаду государства.

Литература

1. Арзуманов И. А. «Религиозное пространство» и «пространство религиозной культуры» – опыт культур-методологической стратификации // Вопр. культурологии. – 2009. – № 5.
2. Арзуманов И. А. Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в трансазийском контексте (XX–XXI вв.) : монография / И. А. Арзуманов. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008.
3. Буряад Арадай Туг [Электронный ресурс]. – URL: www.polit.buryat.info, www.ust-orda.com, www.buryatia.org, www.aginsk.com; Махачкеев А. Молодые буряты обратились к Путину // Информполис. 2005. 26 янв. (№ 4); Акция бурятской молодежи // Молодежь Бурятии. 2005. 2 февр. (№ 5); Молодежь написала письмо Путину // Номер один. 2005. 23 февр.; Байкальский край – регион-призрак? // Центр. газ. 2005. 8 июня (№ 8).
4. Вероисповедная политика Российского государства : учеб. пособие / отв. ред. М. О. Шахов. – М. : Изд-во РАГС, 2003.
5. Гриценко Г. Д. Правопонимание в современной российской юриспруденции // Вестн. Ставроп. гос. ун-та. – 2002. – № 29.
6. Кунищын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России / И. А. Кунищын. – М., 2000.
7. Международное право / отв. ред. Г. И. Тункин. – М., 1994.
8. Понкин И. В. Правовые основы светскости государства и образования / И. В. Понкин. – М., 2003.
9. Столяренко Л. Д. Культурология / Л. Д. Столяренко, В. Е. Столяренко, С. И. Самыгин. – М. : Эксмо, 2006.
10. Тиби Б. Политизация религии [Электронный ресурс] // Internationale Politik. – 2000. – № 2. – URL: <http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2000-02/article04.html>.

ДАШИЕВА А. Д.

ЖЕНСКОЕ ШАМАНСТВО В ТРАДИЦИОННОМ БУРЯТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Согласно гендерным исследованиям положение женщины в обществе – это интегральный показатель, отражающий все особенности устройства этого общества. Исторически бурятский социум неразрывно связан с влиянием традиционной культуры монголов. Существование сложившихся устойчивых анклавов традиционного общества повлияло на то, что здесь русская колонизация не уничтожила эти «анклавы», но, несомненно, подчиняла, интегрировала или ассимилировала их.

Многие факты, подтверждающие социальное неравенство между мужчинами и женщинами, лежат на поверхности и не требуют доказательств. В научной среде принято говорить о целой совокупности «объективных» экономических, культурных и